

КВАЗИФРЕНИЯ

Миры Эгоплеромы "4"

А.ЩИЦОВ

Александр Шипцов

Квазифрения

<https://litres.ru/74412619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экипаж фрегата проваливается в искусственный мир — Эгофрению, где законы физики не работают, а обитатели подчинены алгоритмам. Им предстоит не просто выжить, а понять: их выбор меняет саму природу реальности. Мир, в котором они оказались, — не ловушка, а точка сборки параллельных временных потоков.

Содержание

Пролог	5
Глава 2	21
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Щипцов

Квазифрения

Чем больше разных «плером», тем богаче загробный мир!
Тем больше шансов попасть ни в рай и не в ад!
(Надежда)

Пролог

— Мы же ещё увидимся? — спросила Мария с чувством лёгкой грусти.

— Не знаю, — пожав плечами, ответила Лилит.

— Ну, что вы? — Шура обвела девушек взглядом. — Давайте спросим у Сашки!

* * *

Станция — всего лишь временная точка, где ему вручили досье на группу, к которой прикрепили. Сейчас Шрот стоял в наблюдационном зале. Тишина и прохлада. Его взгляд скользнул по громадному экрану. За стеклом, в чёрном бархате космоса, плыла, вся в кратерах, слепая Луна.

Теперь он ждал челнок. Куда — загадка. Зачем — тоже.

«Свидание вслепую, только с летальным исходом», — пронеслось в голове едкой мыслью. В памяти всплывали сухие строчки файлов. Он пытался оживить буквы, придать им черты людей. Тревогу глушил, анализируя мысли.

Вершина списка — командир Кадастр. Позывной говорил сам за себя: структура, регламент. Человек-устав. Шрот представил его — взгляд жёсткий, без эмоций, пальцы, листающие параграфы. «Вряд ли он ужинает при свечах. Разве что по инструкции».

Первый пилот — Ажан, с лёгким дефектом речи — мни-

мым французским акцентом. Знания не схватывал, а добывал, копал, усваивал намертво. В этом угадывался упрямый, как бульдозер, характер. «Признание в любви, наверное, по методичке готовил бы. Зато наверняка».

Второй пилот — Ион, полная противоположность. Идеи хватал на лету. Ум быстрый, поверхностный. Извергал концепции пачками, не вдаваясь в детали. Искра, которая может и костёр разжечь, и всё вокруг дотла спалить. «Интересно, и в отношениях он так же? Десять абстрактных предложений на одно стоящее?»

Особняком стояла девушка — биолог и психоаналитик с позывным «Ню». Поначалу Шрот хмыкнул, возникла стандартная ассоциация на доступность, но досье отрезвило. Это был не намёк, а предупреждение. Она видела ложь насквозь, распознавала скрытые мотивы и подавленные эмоции. В команде её окрестили «психобиолог», она, вроде, вовсе не против. Шрот представил её спокойной, с внимательным взглядом. «Её молчание — красноречивее слов, с такой лучше не врать и не опаздывать на свидание», — подумал он и поймал себя на том, что уже мысленно на это свидание приглашает.

Силовая пара. Первый — штурмовик Зеро. Тут всё просто, любую проблему, решаемую силой, он «умножал на ноль». Идеальный инструмент. Ходили слухи о дальнем родстве с Кадастром. «Их семейные ужины, наверное, не для слабонервных».

Второй боец — Малыш. Прозвище прилипло со школы.

С тех пор он изменился, вымахал, но прозвище — осталось. Психологическая ловушка, за ней скрывался опасный боец, преданный своим. В отличие от Зеро, у него имелись привязанности, а значит, и уязвимости. «Идеальный кандидат в лучшие друзья. Надеюсь, надолго».

Он оторвался от мыслей, снова глянул на экран, Луна уплывала.

Вот и вся команда — странный сплав. Строгий командир, упрямый пилот, поверхностный гений, проницательный психолог и двое солдат — чистый расчёт и скрытая теплота. И да, он сам — новенький. Его место в этой мозаике пока оставалось большим вопросом.

Впереди — челнок, корабль и цель миссии пока в тумане. Сработаются ли они как команда? Смогут ли доверять, когда приказов не будет, а вокруг — лишь враждебность? Найдёт ли он здесь не просто сослуживцев? Ответов не было. Только гул систем, безмолвное движение светил и смутная надежда, что в этом холодном космосе найдётся место чему-то тёплому и надёжному, вроде неуместной шутки или одобрительного взгляда, задержавшегося на секунду дольше нужного.

* * *

Пилот челнока, не глядя в глаза, сунул Кадастру не электронную карту, а запечатанный бумажный конверт. Анахронизм, который удивил. На конверте — чёткий, почти вычур-

ный почерк: «Вскрыть по прибытии». Ниже — «координаты» и три ряда цифр. Выглядело как начало плохого анекдота или очень мутного приказа.

Шрот, вслед за пилотами, шагнул из челнока в тесноту чужого корабля. Первое, что он почувствовал — холодок разочарования. Вместо грозного звёздного крейсера — фрегат, незнакомой, почти кустарной сборки. «Игрушка для тайных дел», — мелькнуло в голове.

Но внутри... внутри корабль оказался весьма уютным и продуманным до мелочей. Рубка, каюты, кухня, медотсек с хирургическим роботом, и — сюрприз — в ангаре притаился стандартный десантный бот. «Запасной выход, — тут же сообразил Шрот, — или запасной козырь».

Первые часы пролетели в суете освоения. Шрот наблюдал, сверяя составленные им по досье мыслеобразы с живыми людьми. Кадастр исчез в рубке, погрузившись в гул системных проверок. Ажан ушёл в двигательный отсек — его упрямый затылок мелькал в технических иллюминаторах. Ион, как мотылёк, порхал по отсекам, щёлкал тумблеры, сыпал идеями. «Энергопоток... двенадцать процентов...», его слова висели в воздухе лёгким, но навязчивым флёром. Зеро и Малыш пропали в ангаре, откуда доносился скрежет и отрывистые команды. Их мир был просто и ясен: работает — не работает, свой — чужой.

Ню устроила себе кабинет в нише у кухни. Не читала, не писала — казалась отрешённой. Однако когда их взгляды

встретились, Шрот почувствовал укол — она его сканировала. Он кивнул, изобразив нейтральную доброжелательность. Она вымучено улыбнулась, признавая, что он её раскусил.

Через несколько часов Кадастр собрал всех в рубке. На главном экране висели три ряда цифр — их координаты. Лицо командира не выражало эмоций. — Прибыли. Ждём.

— Чего и как долго? — голос Ажана прозвучал, как удар гаечного ключа по металлу.

— Информации нет. Есть приказ — появится аномалия, и мы в неё полетим.

— Впервые слышу подобное, — фыркнул Ион. — Это не розыгрыш?

Кадастр посмотрел на него ровно, без гнева, без укора. Этого хватило, чтобы Ион съёжился.

— Чья подпись под приказом? — упёрся Ажан.

Кадастр медленно поднял палец и ткнул в потолок. Выше — только командование, а выше командования — те, кто отдаёт приказы без подписи.

Воцарилась тишина. Стекло иллюминаторов упиралось в привычный космос. Ничего, только звёзды, холодные и равнодушные.

Ожидание — особая пытка. Оно растягивает время, заполняет его липкой паутиной обыденности. Ажан гонял диагностику. Ион чертил на планшете бессмысленные схемы. Зеро и Малыш рубились в шахматы — быстро, молча, агрессивно. Нью читала, но Шрот видел, что её глаза скользят по

людям, а не по тексту.

Он и сам чувствовал, как тревога точит изнутри, привычный анализ не помогал. Не было данных — лишь догадки. Аномалия. Какая? Граница? Дыра? Ловушка? Они висели на крючке, не зная, кто держит удочку.

Сутки. Двое. Нервы натягивались в струну. Даже Кадастр, эта скала, проводил в рубке всё больше времени, погрузившись в кресло у экрана.

Ион не выдержал первым. — Может, ошиблись координатами? — голос его дрогнул.

— Координаты точны, — отрубил Ажан, не отрываясь от монитора.

— Тогда где она? Может, её нет? Может, это фиаско... — Он не договорил. Кадастр, молча и медленно, повернул голову. Ион сглотнул и отступил.

Вечером второго дня Шрот застал Нью на кухне. Она заваривала травяной чай, пахло мятой и горечью. — Нервы? — спросил он.

Она протянула ему кружку. — Наблюдение. В стрессе, как правило, люди обнажаются. Кадастр уходит в правила. Ажан — в технику. Ион — в слова. Зеро и Малыш — в действие. А ты?

Вопрос застал врасплох. — В анализ — это моя защита.

— От чего?

— От неопределённости, от страха.

Она кивнула. — Страх здесь рационален, ведь нас посла-

ли в никуда, прыгнуть в неизвестность. Это бьёт по инстинктам.

— А твоё мнение? Справляемся? — поинтересовался Шрот.

— Пока — да, но трещины есть. Ион на грани. Ажан копит злость. Кадастр... с ним сложно. Он — скала, однако даже скалы трескаются.

— А ты?

Она улыбнулась, и в глазах появилось тепло. — Я — наблюдаю.

На третий день тишина стала иной, похожей на нить перед разрывом. Все почувствовали это кожей, даже Зеро нервно поглядывал на экраны.

Шрот стоял в рубке. Звёзды висели недвижно, но воздух гудел. Ион барабанил пальцами. Ажан скрестил руки. Кадастр сидел расслабленно, но его взгляд был прикован к экрану с такой силой, что, казалось, мог прожечь стекло.

И тогда это началось.

Сначала — лёгкая дрожь в воздухе, возник приглушённый звон в ушах. Приборы молчали, но все вздрогнули разом, почувствовав это чем-то глубже сознания.

— Что это? — прошептал Ион.

И тут, за экраном, материя космоса затрепетала, будто воздух над костром. Звёзды поплыли, вытянулись в золотые нити, слились в размытое сияние.

Ни вспышек, ни грома, только тихая, неумолимая транс-

формация знакомого в незнакомое. В центре преобразования рождалась воронка цвета серого колчедана, переливающаяся, с цветным туманом в глубине. Совершенно беззвучная и от этого более пугающая.

Она висела там — Аномалия. Космическая раковина — безмолвная и прекрасная. Она не приближалась. Она просто была.

Все застыли. Даже Кадастр. Лицо — камень, но зрачки сузились, впитывая невозможное. Приказ был ясен — лететь в неё.

Командир поднялся, движения чётко выверенные. Обвёл взглядом команду, в глазах — ни страха, ни сомнений. Только задача. — Подготовиться к манёвру. Штурман, рассчитать курс прямо в центр.

Шрот уже щёлкал переключателями. — Курс проложен.

— Двигатели на прогрев, — распорядился Кадастр.

Ион, молча, занял место.

— Силовые щиты в норме, — глухо доложил Зеро, появившись в дверях с Малышом.

Корабль дрогнул и ринулся вперёд, навстречу колчедановой бездне. Свет звёзд исказился, растянулся в сумасшедшие полосы. Тишину прорезал гул — не двигателей, а самого, трещащего по швам, пространства.

Шрот увидел бледные лица членов команды, сжатые кулаки Малыша, руку Кадастра, ищущую опору на панели — последний якорь в рукотворном мире. Через мгновение, их

поглотила пелена тумана, реальность распалась.

* * *

Туман был непроглядным, лишённым привычной текстуры космической пыли или плазменных разводов. Он не струился по обшивке, а был статичным, словно погрузил корабль в густую, тягучую вату. Давление на органы чувств исчезло так же внезапно, как и началось. Безумный гул пространства оборвался, оставив после себя оглушительную, давящую тишину, нарушаемую лишь ровным гудением систем жизнеобеспечения и беспокойным дыханием команды.

Шрот медленно разжал, впившиеся в подлокотники кресла, пальцы. Перед глазами всё ещё плясали золотые нити искажённого света. Он моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Экраны в рубке мерцали, залитые белым шумом, затем на центральном дисплее проступили размытые очертания.

— Стабилизируем, — голос Кадастра прозвучал негромко, ровно и спокойно, но с присущей ему железной чёткостью. — Отчёт по системам.

Ажан, не отрывая взгляда от своего монитора, выдавливал сквозь зубы: — Гравитация... в норме. Атмосфера... корабля в норме. Внешние датчики... не понимаю... помехи. Сплошные помехи.

— Двигательный отсек? — Кадастр повернулся к Иону. Тот сидел, с непонимающим видом, взгляд его блуждал по

приборам. — Энергопоток... стабилен, — прошептал он. — Но куда ушла энергия прыжка? Я не вижу потребления.

— Значит, куда-то ушла, — холодно констатировал Кадастр. — Зеро, Малыш, осмотр корпуса через внутренние сканеры! Ион, помоги Ажану с датчиками!

Команда зашевелилась, механически выполняя приказы. Действие было лекарством от парализующего ужаса. Шрот сосредоточился на навигационном комплексе. Он пытался поймать хоть один знакомый сигнал: пульсар, транслирующую станцию, космический мусор. Ничего... эфир был пуст, казалось, они провалились в гигантский, всепоглощающий кокон.

Примерно через полчаса, для них показавшихся вечно-стью, плотность тумана за иллюминаторами начала меняться, проявлялись просветы.

Из динамика прозвучал голос Зеро, — командир, внешний осмотр ничего не дал. Корпус цел. Ни следов перегрузки, ни микротрещин, словно корабль никуда не вылетал.

— Аномалия, — тихо сказала Нью. — Мы внутри.

В этот момент белый шум на главном экране дрогнул и стал преображаться. Помехи сменились размытой картинкой, которая с каждым мгновением проявляла формы.

— Что это? — прошептал Ион.

То, что открылось их взглядам, не могло относиться ни к одному известному космическому объекту. Такого просто не могло существовать, но оно существовало.

Перед ними, в абсолютной черноте пустоте, висел, неровно вырезанный из непонятного материала, абсолютно плоский круг. Его диаметр можно было оценить в десяток километров. Объект напоминал гигантское блюдо с откусанными, шероховатыми краями. И на этом блюде кто-то поставил прозрачную, глубокую, сферическую крышку, словно от коробки с тортом, укрыв ею всё внутреннее пространство круга.

Под прозрачным куполом виднелись очертания города, река, каналы, зеленые насаждения. По внутренней поверхности крышки-небосвода медленно, скорее даже торжественно, плыли плоские облака, создававшие иллюзию объёма.

В рубке воцарилась более глубокая, чем прежде, тишина. Даже дыхание экипажа, как будто замерло. Наблюдаемая сцена противоречила всем законам физики, логики здравого смысла. Это был артефакт, созданный или вырезанный из реальности, не корабль, не станция, не планета.

Кадастр молча приблизил изображение, заставив камеры сфокусироваться на поверхности под куполом. Ландшафт увеличился, проявились детали: полноводная река с пологими берегами, песчаные участки, каменные строения примитивной архитектуры, напоминающей земную античность.

— Какой-то древний Египет... — произнёс Ажан, и в его голосе прозвучало недоумение, смешанное с неприятием.

— Но это точно не Нил, скорее Нева, судя по руслу и бе-

регам, — прокомментировал уроженец Питера Шрот. Его аналитический ум цеплялся за знакомые очертания, пытаясь найти точку опоры в этом безумии.

Кадастр продолжал увеличивать картинку. Камеры захватили группу одетых, в светлые, свободные одежды, фигур на набережной реки, движения которых были плавными и неторопливыми.

— Люди, — Ион, тыча пальцем в экран, выкрикнул это слово с испугом.

— Видимо, туристы, судя по одежде, — предположил Зеро. На его лице застыла гримаса глубокого скепсиса.

Шрот смотрел на этих людей и на их аномальный мир. Его мозг отказывался принимать эту картинку. — Туристы? В безвоздушном пространстве, внутри загадочного артефакта, под стеклянным колпаком? Всё это зрелище похоже на абсурд или тщательно продуманную мистификацию.

Ню стояла сбоку от всех, её тяжёлый, внимательный взгляд скользил не по экрану, а по лицам членов команды. Она считывала их реакции: шок Ажана, панику Иона, холодную сосредоточенность Кадастра, агрессивное недоверие Зеро.

Кадастр откинулся в кресле с невозмутимым лицом, но мелкая дрожь в пальце, лежавшем на кнопке управления камерами, выдавала колоссальное, внутреннее напряжение. Командир обвёл взглядом команду, задерживаясь на каждом на секунду дольше обычного.

— Сутки на сбор и обработку данных! — произнёс он, и его слова прозвучали, как приговор, возвращающий к реальности. — Полное сканирование артефакта, спектральный анализ материалов! Все данные, все гипотезы, все наблюдения! — Он сделал паузу, давая приказу улечься в сознании. — Затем я приму решение.

Команда безмолвно разошлась, погрузившись в работу. Целенаправленная деятельность сменила внезапно возникшее оцепенение от увиденного. Каждый понимал — они столкнулись с чем-то, что перевернёт их представления о мироздании или станет их могилой.

Шрот сел за свой терминал, его пальцы застучали по клавиатуре, начав с внешнего сканирования артефакта. Материал диска не поддавался классификации. Объект не отражал и не поглощал излучение стандартным образом, его структура казалась монолитной, без единого шва или соединения. Прозрачный купол был столь же загадочен — сканеры не фиксировали его толщины, он был просто границей, за которой начиналась иная реальность.

Ажан и Ион, отбросив взаимные претензии, работали в тандеме над анализом энергетических полей. Слабое, фоновое излучение, исходящее от объекта, которое они внезапно обнаружили, не поддавалось классификации. Оно не походило ни на ядерные, ни на плазменные, ни на квантовые процессы.

Зеро и Малыш, используя все доступные средства дистан-

ционного зондирования, картографировали поверхность под куполом. Они насчитали несколько десятков человеческих фигур, перемещавшихся между каменными строениями. Примитивный уклад: ни машин, ни летательных аппаратов, ни следов высоких технологий.

Ню подключилась к внешним камерам и вела непрерывное наблюдение за «туристами», заметив странность в их поведении. Создавалось впечатление запрограммированности их движений — слишком ровных, почти ритуальных.

Шрот, закончив первичный анализ артефакта, переключился на внутреннее пространство. Весь купол был равномерно освещён изнутри, без видимого источника, без теней, падающих под привычным углом, что усиливало ощущение искусственности, бутафорности.

Под вечер, когда первые данные начали сводиться в единую картину, которая от этого становилась лишь более запутанной, Кадастр снова собрал всех в рубке. — Итоги! — потребовал он.

Ажан доложил первым: — Материал платформы артефакта — неизвестен, по нашим базам — неопределим. Прочность, судя по плотности и структуре поля, запредельная.

Ион добавил: — Энергетическая подпись есть, но она... пассивна — никаких выбросов, никаких колебаний. Определить принцип его работы не представляется возможным, как будто спящий реактор неизвестной энергии.

— Поведение объектов внутри стабильно и циклично, —

сказала Нью. — Я сомневаюсь, что это люди в привычном для нас понимании. За всё время моего наблюдения, они двигались точно по заданным маршрутам, ни одного спонтанного действия. Возможно, биологические автоматы или голограммы с физическим телом.

— Голограммы не создают гравитационных возмущений и тепловых следов, — мрачно возразил Зеро. — Они материальны, но кто они — вопрос.

Шрот вывел на экран свою схему. — Это — не природный объект и не научный эксперимент. Возможно — инсталляция, произведение искусства или чей-то аквариум.

В рубке снова воцарилась тишина. Слово «аквариум» повисло в воздухе, наполняясь зловещим смыслом. Команда наблюдала за объектом снаружи, а что, если и за ними, в этот момент, тоже кто-то наблюдал?

Кадастр сидел неподвижно, его взгляд был прикован к изображению загадочного объекта, плывущего в чёрной пустоте. — Контакт, — наконец произнёс он. — Мы попытаемся установить контакт...

— Как? — вырвалось у Ажана. — Пробить купол? Высадиться?

— Нет. Мы попробуем передать сообщение. Стандартные частоты, математические последовательности, простые визуальные образы.

— А если они... если «они» не поймут? Или не захотят? — спросил Ион.

— Тогда мы получим ещё один тип данных — их реакцию на внешнее вмешательство, — холодно ответил Кадастр. — Шрот, подготовь пакет передачи. Ажан, Ион — займитесь генерацией сигнала. Зеро с Малышом — обеспечьте безопасность корабля на время сеанса. Нью — продолжайте наблюдение за объектами под куполом.

Команда вновь разошлась. Шрот принялся за составление сообщения. Выбор пал на простые геометрические фигуры, на последовательность натуральных чисел и базовые физические константы. Всё это должно было быть универсальным языком разума.

Через час всё было готово. Корабль развернулся к артефакту и послал в его сторону сфокусированный луч информации. Сигнал ушёл в молчаливую темноту, достиг прозрачного купола и... рассеялся. Ни отражения, ни поглощения, он просто растворился, не оставив и следа.

— Никакой реакции, — доложил Ажан. — Купол полностью игнорирует передачу.

— Увеличить мощность, — приказал Кадастр.

Они повторили попытку снова и снова. Результат остался нулевым. Артефакт пребывал в своём безмолвном, совершенном равнодушии.

Глава 2

Над асфальтом повис зеркальный шар, и это застало Легиона врасплох. Он замер, наблюдая за метаморфозой. Сферическая поверхность, отражавшая искажённые очертания Эгофрениии, сплющилась и вытянулась в идеальное прямоугольное зеркало. Внутри него Легион увидел собственное отражение — неясное, колеблющееся. Затем изображение потемнело, поглотило само себя и превратилось в сплошную тень. Тень медленно расползлась, залив всю поверхность густым иссиня-чёрным цветом, цветом абсолютной пустоты.

Раздался сухой короткий хруст, а за ним — пронзительный скрежет, будто железо царапало стекло. Иссиня-чёрная поверхность треснула и покрылась густой паутиной изломов, которая осыпалась, словно тонкая ледяная корка, обнажив массивную дубовую дверь с тяжёлыми железными петлями. Дверь со скрипом, полным древности, отворилась — и тут же исчезла, растворилась в воздухе, не оставив следов.

На месте её кратковременного существования теперь стояла девушка. Её живые пронизательные глаза с безмятежным любопытством осматривали окрестности. Взгляд скользил по бледным силуэтам эгофренийцев, по призрачным фасадам, чуть задержался на свинцовых водах реки Фонтанки — и, наконец, остановился на Легионе. Легкая улыбка тронула её губы.

— Привет, — произнесла она. Её голос прозвучал просто и естественно.

— Привет, — ответил Легион и его собственный голос показался ему чужим и дребезжащим.

— Я ещё не встречала такой аномальной Эгофрении, — развела она руками, жестом очерчивая окружающий их мир. — Решила посетить. И вот она — причина её появления, прямо передо мной. — Улыбка стала шире и теплее. — Как тебя зовут, извлечённый Сашкой?

— Легион, — представился он. Имя, выбранное когда-то как клятва, теперь прозвучало обречённо, словно приговор.

— Почему-то я и не сомневалась, — вновь улыбнулась она. — У меня для тебя есть подарок. Надеюсь, он тебе понравится. А может, у тебя есть заветное желание?

Внутри Легиона зашевелились, зашпорили обрывки мыслей, голоса «Либерала», «Коммуниста», «Анархиста». Один требовал выверенной, прагматичной формулировки, другой — революционного жеста, третий — немедленного отказа от любого диалога с воплощённой «Властью», но поверх этого гула прорвалось простое, выстраданное желание.

— Я хочу посещать Рассадник, — признался Легион и, видя лёгкое недоумение в её глазах, поспешил пояснить: — Проникать за стену-горизонт и возвращаться обратно, самостоятельно.

Лилит изучающе посмотрела на Легиона. Взгляд, казалось, проникал сквозь все наслоения и все искусственные

сборки, видя ту самую «свалку мироздания», которую он с таким трудом пытался упорядочить. Молчание затянулось, наполняясь гулом невыраженных мыслей. Легион чувствовал себя под микроскопом — разобранным на части, но не уничтоженным, а понятым, и в этом была своя странная драма.

— Я не могу решить твою проблему напрямую, — наконец произнесла она, — но я активирую для тебя здесь, в Эгофрении, нуль-ноль-порт. Найти же свою основу, не Сашку, конечно, а любую его ипостась тебе придётся самостоятельно.

Легион понимающе кивнул. Путь предлагался не прямой, а окольный, полный неизвестности, но он ощущал в этом глубинную справедливость. Свобода, дарованная извне — фантом; теперь предстояло добыть её самому, пройдя через лабиринты чужих реальностей, пересекая параллельные временные потоки Земли. Мысль о поиске собственного я в чужом времени была одновременно и пугающей, и ироничной — словно шутка, которую ему загадала сама Вселенная.

— А что касается моего подарка, — вернулась к теме Лилит, и в её глазах заплясали озорные искорки, — я вновь наполню Рассадник содержимым. Эгофренийцев оставляю без изменений, но преобразую городской ландшафт. Если честно, всегда хотела это сделать. Только раньше не было смысла, ведь Эгоплеромы скоротечны, в отличие от твоей. Ты же не станешь возражать?

Собеседник не нашёлся что ответить. Возражать? Просить остановить этот акт творения, способный разрушить привычную, хоть и невыносимую, стабильность его будничного существования? Он, лишь согласно покачал головой, чувствуя, как почва уходит из-под ног в прямом и переносном смысле. Его привычный мир собирались перекроить, и этот глубокий внутренний драматизм момента не ускользнул от него. Он давал на это молчаливое согласие.

— Тогда приветствую тебя, Фараон, — сказала Лилит, сдерживая смех. Титул прозвучал насмешливо и величественно одновременно.

— Спасибо! — вымолвил он, и это единственное слово вместило в себя всю гамму чувств — от надежды до леденящего страха.

— Когда погаснет нуль-ноль-порт... — Лилит стала серьёзной, и в её внезапной строгости сквозила бездна непознаваемого. — Я вернусь за тобой.

— За мной? — уточнил Легион, ощущая, как внутри него замирают все голоса.

— Ты ведь в зеркало смотрелся! — сказала девушка, и её утверждение прозвучало, как ключ к загадке, ключ, который он не мог найти.

Вначале он пожал плечами, а затем ответил: — Да, вот совсем недавно... а это к чему? Воспоминание о собственном отражении в тёмной воде реки, в стёклах домов, в бронзовом блеске статуй всплыло с навязчивой чёткостью.

— Пока не важно, — ответила она с улыбкой, растворяющей серьёзность. Продолжая улыбаться, стала исчезать, таять в воздухе.

Легион остался один, но теперь его одиночество имело иной вкус. Оно не было гулом пустоты — оно отдавалось эхом только что состоявшегося разговора. Он — Легион, он же — Фараон. Он — аномалия, удостоенная визита и дара. Он — тот, кому предстоит найти основу в чужом временном потоке. Он — тот, в чьё зеркальное отражение смотрелась Лилит. И он — тот, за кем она вернётся.

Легион повернулся, осматривая Эгофрению, осознавая, что в следующий миг она изменится до неузнаваемости. Прежняя серая безысходность завершилась, уступая место новому, непредсказуемому существованию. Путь вперёд, казавшийся ранее несуществующим, теперь обозначился в виде нуль-ноль-порта. Путь назад, в Рассадник, обещал стать иным, дающим возможность сохранить оболочку. Он размышлял об этом, стоя на пороге мира, который вот-вот должен переродиться по воле той, в чьей это власти. А сам он, этот сгусток отвергнутого, наконец-то обрёл не цель, не ответ, а Подлинного Собеседника. И в этом заключалась новая, пугающая и головокружительная степень свободы.

Глава 3

После молчаливой неудачи попыток связи с аборигенами, решение Кадастра о высадке внутрь артефакта вернуло экипаж в неоспоримую реальность. Командир не предложил, не попросил — объявил. Его слова, отчеканенные стальным тембром, не оставляли пространства для дискуссий.

Общий сбор в рубке приобрёл черты ритуала перед неминуемым. Лица собравшихся отражали весь спектр ожидаемых эмоций. Ажан, сжав челюсти, всем видом демонстрировал скептицизм. Его упрямый взгляд упирался в изображение загадочного диска, будто силой воли пытаясь разгадать его тайну. Ион, напротив, ёрзал на месте, пальцы нервно барабанили по бедру. Мысли о предстоящем прыжке в неизвестность заставляли его ум метаться, порождая десятки тревожных сценариев.

— Командир, летит весь экипаж? — голос первого пилота прозвучал резко, вырываясь сквозь всеобщее напряжение.

— Да, весь. Неизвестно, чья специализация потребуется, — отсек дальнейшие расспросы Кадастр. — Два часа на подготовку, используйте их с максимальной эффективностью.

Наступившая тишина после ухода командира, тут же взорвалась суетой. Приказ сработал как спусковой крючок, преобразуя парализующую неопределённость в конкретные действия. Команда разбрелась по отсекам, каждый поглощён-

ный собственными мыслями.

* * *

Свод объекта, неопределимой толщины, оказался свободно проникаем. Он не оказал корпусу бота и малейшего сопротивления. Ощущение сравнилось с погружением пальца в стакан воды, простым преодолением поверхностного натяжения. Одна реальность сменила другую без борьбы, беззвучно и на удивление просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.